

**О потерях русской и наполеоновской армий в Бородинском сражении
24–26 августа 1812 г.**

Вопрос о потерях сторон в Бородинском сражении в литературе не закрыт и до сих пор остается дискуссионным. Решить эту проблему, по нашему мнению, можно посредством тщательного источниковедческого анализа и комплексной обработки документов по потерям сторон в Бородинском сражении.

Одним из первых опубликовал цифры русских потерь при Бородино К.Ф. Толь в 1822 г. По его данным, они составляли убитыми и ранеными, без учета пропавших без вести, «25000 человек, около 800 штаб- и обер-офицеров и 13 генералов»¹. А. И. Михайловский-Данилевский называл цифру русских потерь уже более 55 тыс. человек, включая потери пропавших без вести². М. И. Богданович придерживался других данных – 44–46 тыс. человек³, которые П.А. Жилин⁴ и Н.А. Троицкий⁵ признавали близкими к истине. Л. Г. Бескровный придерживался показателей, взятых из «сентябрьских» ведомостей потерь 1-й и 2-й Западных армий – 38,4 тыс. человек⁶. Таким образом, разброс в оценках русских потерь в отечественной историографии весьма существенен — около 30 тыс. человек. И это не случайно, так как вопрос о численном составе русских войск после сражения и потерях, понесенных русской армией при Бородино, остро стоял перед командованием сразу после сражения.

Так, М.И. Кутузов 27 августа 1812 г. отдает приказ о представлении сведений о численном составе корпусов и артиллерийских частей, «хоть примерно, доставить в дежурство мое перечневые ведомости»⁷.

В РГВИА (Российском Государственном военно-историческом архиве) отложились документы, отразившие русские потери при Бородино, среди которых наиболее широко введены в научный оборот не

датированные (в литературе принято их считать сентябрьскими) ведомости потерь 1-й и 2-й Западных армий. Эти ведомости были полностью опубликованы в 1954, 1962 и 2004 г.⁸ Кроме «сентябрьских» ведомостей, в РГВИА сохранились документы воинских объединений и соединений с данными о потерях личного состава и отдельные списки убитых и раненных в сражении при Бородино офицеров, а также значительное количество полковых рапортов и других документов по личному составу воинских частей за август 1812 г., в которых особо выделены, среди общих потерь за месяц, потери в Бородинском сражении 24–25 августа (старый стиль).

Следует отметить, что в литературе высказывалось сомнение в достоверности показателей «сентябрьских» ведомостей⁹. По нашему мнению, приведенные в «сентябрьских» ведомостях отдельные данные можно подвергнуть сомнению, можно дополнить их показатели по нескольким воинским частям, но не брать их в расчет и не отталкиваться от показателей этих источников в суждениях о потерях русской армии в Бородинском сражении вряд ли является продуктивным. Достоверность данных «сентябрьских» ведомостей, как нам кажется, возможно подтвердить не только с помощью сравнения с показателями из рапортов и ведомостей воинских частей, соединений и объединений, с помощью расчетов по принятой в статистике методике.

Численность личного состава воинской части особенно в боевых условиях даже, за короткий отрезок времени (несколько дней, часов или даже нескольких минут во время напряженного боя), является не постоянной величиной. В 1812 г. в русской армии воинские части подавали командованию своего воинского соединения рапорты (письменные документы) о состоянии личного состава за истекшие 10 суток, за истекший месяц и за истекший год. Причем месячные полковые рапорты направлялись не только непосредственному командованию

воинского соединения, в которое входила та или иная воинская часть, но и в Военное министерство. Именно последние отложились среди документов РГВИА. В особых случаях командование армии могло потребовать отдельный рапорт о потерях личного состава в крупном сражении. В этом отношении показателен приказ М.И. Кутузова от 27 августа, который мы упомянули выше.

Составить в короткий срок в сложной боевой обстановке точный документ о потерях в личном составе воинской части было делом не простым. Часто рапорт одного и того же полка, предназначенный для штаба воинского соединения и Военного министерства, за август месяц по своим количественным показателям мог отличаться. Возможно, из-за разновременности (несколько дней) их составления (см. табл. 1-3).

О том, что при подсчете потерь в личном составе воинской части единовременно невозможно составить абсолютно точный отчет, свидетельствуют документы лейб-гвардии Измайловского полка за 1812 г. Так, в документе, исходящем из полковой канцелярии, «Прибыли и убыли всем чинам и последовавшая перемена в полку лейб-гвардии Измайловском в 1812 г.», приложенного к формулярным спискам офицеров и солдат за 1812 г., были занесены сведения в графы, относящиеся к потерям при Бородино, которые несущественно отличались от данных, приведенных в «сентябрьских» ведомостях по этому полку¹⁰.

Под датой 22 октября 1812 г. в этом же документе в разделе «Прибыль» записано, что причислен в полк выключенный из списков 25 сентября 1812 г. в числе убитых в сражении рядовой Сидор Ефимов, а из числа без вести пропавших – рядовой Егор Гаврилов¹¹. В другом деле этого полка за 1813 г. даны списки на 2 и 20 солдат зачисленных в полк 3 мая и 26 августа 1813 г., которые до того числились убитыми и пропавшими без вести в Бородинском сражении¹². Потери лейб-гвардии Измайловского полка 26 августа 1812 г. составляли, по данным

«сентябрьских» ведомостей, убитыми и пропавшими без вести 249 человек¹³. Следовательно, в мае–августе 1813 г. в строй вернулось около 10% солдат, относившихся до того к категории безвозвратных потерь.

Командир лейб-гвардии Литовского полка полковник И.Ф. Удом, по всей видимости, исполняя приказа М.И. Кутузова от 27 августа, в своем рапорте, датированном 31 августа 1812 г., донося о потерях полка в сражении, писал: «Убитых полагает полк до 400, раненых до 443-х, без вести пропавших до 130-и человек...»¹⁴. Количественные показатели в этом документе незначительно отличаются от показателей «сентябрьских» ведомостей по лейб-гвардии Литовскому полку по убитым и без вести пропавшим и почти в два раза превосходят показатели по раненым. Это единственный известный нам пример (см. табл. 1) столь сильного расхождения показателей из «сентябрьских» ведомостей и документов, исходивших непосредственно из полков, что может найти объяснения в том, что сведения о потерях в рапорте полковника И.Ф. Удома были предварительными, на что указывает фраза из рапорта «полагает полк».

С целью проверки достоверности показателей «сентябрьских» ведомостей, нами был произведен сравнительный количественный анализ данных о потерях солдат из документов, происходивших непосредственно из воинских частей (полков), с соответствующими данными из «сентябрьских» ведомостей. Мы располагали вполне репрезентативной выборкой данных из документов, происходивших, непосредственно из 20 полков, что составило 18 % от 110 полков русских регулярных войск, принявших участие в Бородинском сражении.

При сравнении потерь 20 полков по данным из «сентябрьских» ведомостей и полковых рапортов выяснилось, что по числу убитых солдат показатели 20 полков из «сентябрьских» ведомостей (2036 солдат) превосходят аналогичные данные полковых рапортов (1879 солдат) на 8 %. По категории без вести пропавших солдат по 20 полкам сведения

«сентябрьских» ведомостей (2192 солдат) меньше показателей полковых рапортов (2351 солдат) на 7%. Следует отметить, что данные пяти полковых рапортов полностью совпадают с данными о потерях соответствующих полков из «сентябрьских» ведомостей (см. табл. 1).

Показатели по раненым в полковых рапортах представлены менее полно, чем по убитым и пропавшим без вести. Из 20 полков, чьи рапорты за август 1812 г. использованы нами в исследовании, к сожалению только 8 полковых рапортов содержат показатели по раненым солдатам. Кроме этого, мы располагаем данными о раненых в Бородинском сражении из рапорта Капорского полка. Показатели по убитым в этом рапорте отсутствуют, поэтому в табл. 1 показатели по Капорскому пехотному полку отсутствуют. В данном случае сумма показателей из 8 полковых рапортов по количеству раненых (1885 солдат) на 7 % меньше аналогичных показателей (2036 солдат) из «сентябрьских» ведомостей по этим полкам (см. табл. 2).

Данные из «сентябрьских» ведомостей и полковых рапортов по всем трем категориям потерь (убитыми, ранеными и пропавшими без вести) нам удалось сравнить только по 8 полкам, и тем не менее сумма показателей общих потерь из полковых рапортов (3779 солдат) только на 5% меньше аналогичных показателей (3977 солдат) из «сентябрьских» ведомостей (см. табл. 3). Таким образом, незначительное количественное отличие сумм показателей потерь в выборке по 20 и даже по 8 полкам (в пределах 7%), указывает, во-первых, на репрезентативность наших выборок, во-вторых, на достоверность в целом показателей из «сентябрьских» ведомостей.

Интересно отметить, что в рапорте Минского пехотного полка за август месяц списки убитых и пропавших без вести солдат в Смоленском и Бородинском сражении не разделены, причем их количественные показатели практически идентичны показателям из «сентябрьских»

ведомостей, в которые должны были войти только данные о потерях в Бородинском сражении (см. табл. 1).

В рапорте Московского гренадерского полка за август 1812 г.¹⁵, в рапорте 18-го егерского полка за август 1812 г.¹⁶ потери 2-й гренадерской роты особо обозначены и включены в общие потери полка. Следовательно, в «сентябрьских» ведомостях потери двух гренадерских рот этих полков были включены в общие потери полков (двух действующих батальонов), что объясняет низкие потери 2-го сводно-гренадерского батальона 4-го пехотного корпуса, которые показаны в «сентябрьских» ведомостях. 2-я гренадерская рота 18-го егерского полка как раз входила в состав этого батальона. Тем более что 18 сентября 1812 г. сводно-гренадерские батальоны 1-й и 2-й Западных армий были расформированы, о чем в частности упоминается в деле Санкт-Петербургского гренадерского полка¹⁷.

Существенным недостатком месячных полковых рапортов как источника по потерям русской армии в Бородинском сражении является то, что в архивах они отложились не по всем полкам, и поэтому нам удалось выявить рапорты на 21 полк регулярных русских войск, участвовавших в Бородинском сражении.

Один из способов проверить достоверность показателей «сентябрьских» ведомостей основан на несложном статистическом методе. По мнению известного статистика Б.И. Урланиса, зная количество офицерских потерь в данном сражении и установив соотношение солдатского и офицерского состава, можно определить и солдатские потери.

Так как соотношение между численностью офицеров и солдат довольно устойчивое, расчет потерь по такому методу может считаться вполне допустимым и дает близкое приближение к действительным потерям¹⁸. Теперь обратимся к цифрам. Нам известно, что количество

русских регулярные войск, участвовавших в сражении 24–26 августа насчитывало около 117 тыс. человек, из них по нашим данным, 4200–4400 офицеров. Следовательно, на одного офицера приходилось в среднем 27 солдат. По нашим подсчетам, офицерские потери русской армии составляли 211 убитыми и 1184 ранеными¹⁹. Отсюда несложно рассчитать, что солдатские потери составили 5486–5697 убитыми и 30784–31968 ранеными, а общие потери, включая офицерский состав, составили 5697–5908 убитыми, 31968–33152 ранеными, а всего убитыми и ранеными 24–26 августа русская армия, по нашим расчетам, потеряла 37665–39060 человек, усреднено 38400 человек. Известно, что в плен было взято противником, по разным оценкам, от 200–300 до 1000 человек, но не более того. Они попадали при учете потерь в категорию без вести пропавших, в эту же категорию попало и определенное количество отставших от своих частей солдат и дезертиров. Сражение 26 августа продолжалось все светлое время суток, в котором русская армия вела активную оборону, связанную с перемещением больших масс войск, а отступление осуществлялось в ночное время с 26 по 27 августа, поэтому вполне закономерно, что появилось немало солдат отставших от своих частей и дезертиров. На распространение в августе 1812 г. такого явления в армии, как дезертирство, указывает донесение М.И. Кутузова от 19 августа 1812 г. Александру I, в котором он сообщал, «что число мародеров весьма умножилось, так что вчера полковник и адъютант его императорского высочества Шульгин собрал их до 2000 человек»²⁰. О наличии такой категории солдат, как отставшие от своих частей после сражения, указывают архивные источники, в частности лейб-гвардии Измайловского полка. Речь шла о 22 солдатах, зачисленных в состав полка в 1813 г. и до того считавшихся погибшими или пропавшими без вести.

При выведении нами расчетным путем потерь русской армии в 37665–39060 человек (усреднено 38400) солдаты, попавшие к неприятелю

в плен, оставшие от своих частей и дезертиры, в расчет не брались. Тем не менее расчетные показатели очень близки показателям «сентябрьских» ведомостей в 38,4 тыс. генералов, офицеров и солдат убитыми, ранеными и без вести пропавшими, что, возможно, указывает на относительно малое количество потерь русской армии в сражении пленными, оставшими и дезертирами. С учетом иррегулярных войск русской армии (казаки и ополченцы), потери которых общепринято считать незначительными, число потерь могло достигнуть примерно 40 тыс. человек. Последние исследования в этой области дали близкие показатели к «сентябрьским» ведомостям. Так, С.В. Львов в ходе работы с рапортами и ведомостями русских частей, соединений и армий приводит число убитых, раненых и пропавших без вести по регулярным русским войскам в 39297 человек. Надо отметить, что он обосновано подверг критике как завышенное и методически неверно рассчитанное С.В. Шведовым общее число потерь русской армии в 53 тыс. человек²¹.

Разность показателей «сентябрьских» ведомостей с нашими расчетами (здесь и далее имеются в виду максимальные расчетные показатели) по убитым солдатам в 3564 человек (9261 убитых солдат по «сентябрьским» ведомостям и 5697 убитых солдат по расчетам) можно предположительно объяснить тем обстоятельством, что в «сентябрьских» ведомостях в число убитых попали раненые солдаты, оставленные на поле боя без медицинской помощи.

Разность наших расчетных показателей с показателями «сентябрьских» ведомостей по раненым солдатам в 13746 человек (31968 раненых солдат по нашим расчетам и 18222 человек по «сентябрьским» ведомостям) объясняется тем, что в «сентябрьских» ведомостях многие раненые солдаты, оставленные на поле, по нашему предположению были учтены в качестве пропавших без вести или убитых. В полковом рапорте 40-го егерского полка о потерях 24–26 августа 1812 г. в заголовке так и

писалось «Список убитых и без вести оставшихся на месте во время бывшего сего августа 26-го числа сражении при деревне Бородиной»²².

Документальному учету после сражения в категории раненых подлежали только те воины, которым была оказана медицинская помощь, раненные, оставленные на поле боя, при учете потерь попадали в категории пропавших без вести или убитых. Таким образом, солдат русской армии в количестве 13746 человек можно отнести к тем раненым, которые были оставлены умирать без медицинской помощи на поле битвы. Общее количество оставшихся навечно в бородинской земле русских офицеров и солдат, по нашим расчетам, определяется цифрой в 19,7 тыс. (13746 оставленных на поле сражения раненых солдат, 5697 убитых солдат, 211 убитых офицеров). По «сентябрьским» ведомостям потери русской армии убитыми и пропавшими без вести составляли 19327 человек (10066 без вести пропавшими и 9261 убитыми), что близко к нашим расчетным показателям в 19548 убитыми и оставленными на поле ранеными. Здесь уместно вспомнить слова из письма М.И. Кутузова Ф.В. Ростопчину от 27 августа: «Раненые и убитые воины остались на поле сражения без всякого призрения»²³.

В мемуарной литературе также имеется ряд свидетельств этой трагедии. Причем подобные явления на полях сражений того времени были не исключением, а скорее закономерностью. Проблема оказания первой помощи на поле боя и транспортировка с него раненых была актуальна в то время для всех воюющих армий. Раненые тысячами оставлялись на поле сражения под Аустерлицем. После битвы при Эйлау в 1807 г. в Кенигсберге скопилось 18 тыс. раненных русских, пруссаков и французов, помощь которым была оказана лишь на третий день. В Вайсенфельде (после сражения при Люцене в 1813 г.) раненые французские солдаты по 3–4 дня валялись на площадях²⁴. Особенно тяжелым положение раненых наполеоновской армии было во время похода

1812 года. Лазаретные фуры в условиях бездорожья часто отставали от армии, и после боя врачи не имели ни лекарств, ни перевязочных средств²⁵. «Горе раненым, зачем они не дали себя убить, — писал интендант Великой армии Тюибюси, — несчастные отдали бы последнюю рубашку для перевязки ран; теперь у них нет ни лоскута, и самые легкие раны делаются смертельными»²⁶. По воспоминаниям одного из участников Бородинского сражения, когда с наступлением темноты оставшиеся на поле войны стали жечь костры, то «около каждого огня... собирались раненые, умирающие, и скоро их было больше, чем нас. Подобные призракам, они со всех сторон двигались в полумраке, тащились к нам, доползали до освещенных кострами кругов. Одни, страшно искалеченные, затратили на это крайнее усилие, последний остаток своих сил: они хрипели и умирали, устремив глаза на пламя, которое они, казалось, молили о помощи; другие, сохранившие дуновение жизни, казались тенями мертвых». Другой участник битвы офицер наполеоновской армии Фоссен вспоминал: «Всю ночь напролет мы провели на поле сражения, стоны несчастных раненых было жалостно слушать, о каком-либо уходе за ними или уборке их куда-либо нечего было и думать; не было даже сколь-нибудь воды вблизи»²⁷.

Сведения о потерях Великой армии в сражении при Бородино во французской историографии первой половины XIX в. (П.-П. Денье, Ж.-Ж. Пеле, А. Тьера)²⁸, как и в русской, не отличались точностью и единодушием. Разброс показателей составлял от 20 до 30 тыс. человек убитыми и ранеными, причем без учета пропавших без вести. П.-П. Денье, занимавший должность инспектора смотров в кабинете Генерального штаба, приводил цифру убитых и раненых (без учета пропавших без вести) Великой армии в 28 тыс. человек²⁹. Для сравнения, русские потери по «сентябрьским» ведомостям (без учета пропавших без вести) составляли 29700 человек.

Данные наших расчетов по общим потерям русской армии примерно равны потерям в сражении Великой армии (между 35586 и 41517, усреднено — 38, 5 тыс. человек убитыми и ранеными), приведенным В.Н. Земцовым³⁰.

Интересно сравнить вполне достоверные данные офицерских потерь в Бородинском сражении по русской и наполеоновской армиям. В целом, цифры таковы: по нашим данным, потери при Бородино русского офицерского корпуса составили 211 убитых, 1184 раненых и контуженых, а потери офицерского корпуса Великой армии 5–7 сентября (новый стиль) 1812 г., по данным Мартиньена — 480 убитых и 1448 раненых и контуженых)³¹. Таким образом, потери Великой армии в офицерском составе были выше.

Показательно сравнение официальных данных потерь по убитым и раненым в сражении русской и наполеоновской сторон. По «сентябрьским» ведомостям раненых русских солдат насчитывалось 18222 человек, а с учетом раненых офицеров — 19670 человек; убитых солдат насчитывалось 9261 человек, а вместе с офицерами — 9472 человека. Инспектор смотров в кабинете начальника Генерального штаба Великой армии барон П.-П. Денье привел в своих воспоминаниях, вышедших в свет в 1842 г., цифры потерь из рапорта, сделанного им на основе данных начальников корпусных штабов в Москве и представленного начальнику Генерального штаба маршалу А. Бертье (вероятно, 21 сентября). По П.-П. Денье, Великая армия 5–7 сентября 1812 г. потеряла ранеными 21453 и убитыми 6547 офицеров, унтер-офицеров и солдат³².

Можно считать, что потери русской армии при Бородине по официальным источникам убитыми и ранеными составляли 28931 человек, а Великой армии — 28053 человека. К сожалению, в литературе при оценке потерь русской и французской армий при Бородине часто можно встретить данные по убитым, раненым и пропавшим без вести с русской стороны,

которые сравниваются с потерями армии Наполеона только по убитым и раненым, что, разумеется, является не корректным. Причина этого явления кроется в том, что такая категория потерь, как без вести пропавшие, во французских источниках, связанных с потерями при Бородине, похоже, отсутствует по той причине, что количество пропавших без вести воинов Великой армии просто никто не подсчитывал как в 1812 г., так и позже.

Исходя из выше изложенного материала, возможно допустить, что в категорию без вести пропавших в русской армии попадали в основном раненые воины, оставленные на поле боя без медицинской помощи, таковых раненых и со стороны французской армии было ни как не меньше, подтверждение чему мы находим, анализируя данные из рапорта Ф.В. Ростопчину можайского исправника Ф. Кобылина об уборке «мертвых тел»³³. С октября 1812 г. по май 1813 г. на территории Можайского уезда специально организованными командами-артелями из крестьян преимущественно Московской губернии были убраны трупы в количестве 56811. (В общий отчет убранных трупов, по всей видимости, попали и мертвые тела, которые успели захоронить после сражения как русские, так и французы. Ф. Кобылин в своем рапорте упоминает о том, что свежие могилы на местах санитарных уборок разрывались с целью проверки глубины захоронений)³⁴. Причем цифру 56811 из-за выявленной случайной приписки необходимо уменьшить до 52048 павших воинов³⁵.

Здесь необходимо заметить, что численность гражданского населения на территории, где происходила санитарная уборка тел, включая и город Можайск, в начале XIX в. едва превосходила 3,5 тыс. человек. К тому же есть сведения, что местное население в 1812 г. к началу боевых действий покинуло свои селения и город Можайск, поэтому, в результате боевых действий жертвы гражданского населения были минимальны. Надо еще учитывать, что в рапорт Ф. Кобылина не вошли данные о количестве убранных трупов в окрестностях Колоцкого монастыря (эта местность не

относилась к Можайскому уезду), где находился самый большой госпиталь наполеоновской армии в районе поля битвы.

Кроме Колоцкого монастыря, все селения Бородинского поля и его окрестностей, где еще сохранился хоть какой-то кров, также были заполнены ранеными и умирающими. Известно, что 8 сентября Е. Богарне приказал было перенести свою штаб-квартиру в церковь с. Бородино, но его офицеры обнаружили, что все строение было занято ранеными, которым хирурги без остановки делали операции³⁶.

Располагая документальными данными о количестве трупов, убранных на территории Можайского уезда в 1812–1813 гг. как русских, так и наполеоновских воинов (52 тыс. человек, и нашими данными о числе русских воинов, убитых и умерших от ран, полученных в сражении — 19,7 тыс. человек, не сложно рассчитать, что Великая армия в результате сражения потеряла убитыми и умершими от ран не менее 32,3 тыс. человек. Это те, кто умер на территории Можайского уезда без медицинской помощи и в полевых госпиталях. Таким образом, общие потери французской армии вполне реально могли составлять не менее 40 тыс. человек убитыми, ранеными, учитывая около 1 тыс. пленных, легкораненых, оставшихся в строю, а также помещенных в главный амбуланс, расположенный в Колоцком монастыре, или отправленных за пределы Можайского уезда (например, в Смоленск).

В общем количестве мертвых тел, убранных в 1812–1813 гг. в Можайском уезде, большинство принадлежало воинам армии Наполеона. Это объясняется тем, что русские своих раненных, которым была оказана медицинская помощь – 18222 человек (по «сентябрьским» ведомостям) из общего количества раненых в 31968 человек (наши расчетные данные) – вывезли с поля. И только небольшая их часть была оставлена в Военновременном можайском госпитале. Следовательно, тела умерших в Можайске русских раненых подлежали санитарному захоронению в 1812–

1813 г. и были учтены в рапорте Ф. Кобылина в общем количестве убранных 2161 мертвых тел в г. Можайске и его окрестностях в радиусе примерно 5 км³⁷.

Точное количество раненых, оставленных в Можайске отступающей русской армией, сейчас выявить вряд ли возможно. Но тем не менее в архивных документах сохранились данные нескольких полков о количестве раненых, оставленных в Можайске. В полковых рапортах поименно записывались раненые солдаты при Бородине, а также сведения о месте расположения госпиталя, куда они направлялась на излечение: Москва, Калуга, Тверь, подвижной госпиталь, в том числе упоминается Военновременный можайский госпиталь. По всей видимости, русские раненые не были оставлены на произвол судьбы в Можайске, для них был организован специальный госпиталь, во всяком случае, в рапортах двух полков нам удалось обнаружить упоминание о Военновременном можайском госпитале. Так, в рапорте Орловского пехотного полка за август месяц среди 290 раненых в Бородинском сражении солдат, расписанных по различным городам, в которых размещались госпитали, только 25 солдат значились в Военновременном можайском госпитале³⁸. По записям из рапорта 40-го егерского полка следует, что ни один раненый этого полка не был оставлен в Можайске, а все они были сданы в подвижной госпиталь³⁹. Из Одесского пехотного полка в Военновременном можайском госпитале из 171 раненых солдат было оставлено 34 человека. Причем, за октябрь в этом госпитале значилось 26, за ноябрь — 51, за декабрь — 51 раненый солдат Одесского пехотного полка. Это дает основание для предположения, что Военновременный можайский госпиталь просуществовал всю осень 1812 г. и зиму 1812–1813 гг. Во всяком случае в 1813-1814 гг. в Можайске был военный госпиталь, что подтверждают архивные материалы⁴⁰. Возможно, в Можайске оставляли тяжелораненых нетранспортабельных солдат или раненых, для

которых не хватило транспорта, причем не из всех воинских частей. Упоминания о 10 тыс. русских раненых, оставленных на верную смерть после Бородинского сражения в Можайске (более половины раненых по «сентябрьской ведомости!»), встречающиеся в литературе⁴¹, необходимо отнести к недостоверным. В литературе также можно встретить утверждения, что в Можайске были размещены тысячи раненых Великой армии. И все это в маленьком уездном городе, населения которого в начале XIX в. составляло 1736 человек. В Можайске было около 300 домов деревянной застройки, всего три каменных купеческих дома, четыре хозяйственных каменных постройки и три каменных церкви, одна из которых была не достроена⁴². Опровергают утверждения якобы о оставленных на верную смерть 10 тыс. русских раненых в Можайске и данные из рапорта Ф. Кобылина об уборке «мертвых тел», по которым в Можайске и его окрестностях было убрано всего 2161 тело или 4% от общего количества в 52048 павших воинов, убранных в Можайском уезде. При этом надо учитывать, что под Можайском 27 и 28 августа русская армия вела арьергардные бои. О тяжести этих боев говорят сведения о потерях в них трех русских полков: 4-го, 30-го и 48-го егерского. Эти полки тогда потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 883 нижних чина, из которых только убитыми и пропавшими без вести насчитывалось 378 солдат⁴³.

Возвращаясь к подсчету общих потерь Великой армии, необходимо отметить, что судьба большинства раненых наполеоновской армии в битве при Москве-реке, которым была оказана медицинская помощь, в конечном счете мало чем отличалась от судьбы тех воинов, которым эта помощь оказана не была. В этом отношении показательны свидетельства участника сражения, описывающего один из импровизированных амбулансов, расположенный на поле в тесном бараке, в котором было размещено и оказана помощь 14 серьезно раненым генералам и офицерам. Когда на

следующий день в барак пришел главный хирург французской армии, он обнаружил 12 трупов, в живых осталось только двое⁴⁴.

Состояние медицинской службы Великой армии в русском походе оказалось значительно ниже тех требований, которые предъявляла реальная обстановка войны. Уже к началу августа ситуация с медицинским обеспечением армии стала критической. В Смоленске пришлось использовать фактически последние медицинские ресурсы. В конце второго дня пребывания в этом городе главный хирург французской армии барон Д. Ларрей начал применять для перевязки раненых бумагу, найденную в архивах. Таким образом, большинство раненых в боевых действиях после Смоленска должно было попасть в число «невосполнимых потерь». При этом 23 августа Наполеон подтвердил, что вывоз раненых с поля сражения остается обязанностью только администрации, но отнюдь не строевых чинов⁴⁵.

Капитан 30-го линейного полка Франсуа вспоминал, что через 8–10 дней после сражения умерло три четверти всех раненых, находившихся в главном амбулансе в Колоцком монастыре⁴⁶. По свидетельству главного хирурга французской армии Д.-Ж. Ларрея, ресурсы для оказания раненым оказались минимальны, в результате чего большинство солдат так и не смогло снова встать в строй⁴⁷.

Вопрос о потерях сторон в Бородинском сражении в настоящее время в литературе не закрыт. И если при попытке уточнить количество потерь русской армии имеется возможность привлечь письменные первоисточники, то в вопросе о потерях Великой армии, как известно, такая возможность отсутствует. В распоряжении исследователей сохранились лишь вторичные источники, по преимуществу историографического характера. На наш взгляд, восполнить этот пробел в определенной степени может давно известный историкам, но практически не введенный в научный оборот, рапорт Ф.В. Ростопчину Можайского

исправника Ф. Кобылина об уборке «мертвых тел» на территории Можайского уезда с октября 1812 по май 1813 г. С помощью этого источника, на наш взгляд, не исключено, что появилась возможность на основе русских первоисточников решить вопрос о потерях сторон в Бородинском сражении. Задача в принципе проста, зная количественные показатели безвозвратных потерь русской армии, можно вычесть их из показателей рапорта Ф. Кобылина и получить в итоге количество безвозвратных потерь Великой армии. При уточнении потерь сторон в Бородинской битве не стоит пренебрегать и расчетной методикой, применяемой в статистике, в нашем случае — с целью подтверждения тех или иных результатов, выявленных с помощью первоисточников. Конечно, рапорт Ф. Кобылина нуждается в дальнейшем источниковедческом исследовании, но по нашему мнению, эта работа вполне оправдана и перспективна.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 329.
- ² Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1834. Ч. 2. С. 252.
- ³ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2. С. 225.
- ⁴ Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 162.
- ⁵ Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988. С. 176.
- ⁶ Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 396.
- ⁷ Бородино: Документы, письма, воспоминания. С.106
- ⁸ Бородино: Документальная хроника. М., 2004. С. 332–354; Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 189–201; М.И. Кутузов: Документы. М., 1954. Т. IV, Ч. 1. С. 210–218.
- ⁹ Шведов С.В. Численность и потери русской армии в Бородинском сражении // Материалы науч. Конф., Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы: 1993 г. Бородино, 1994. С. 113.
- ¹⁰ РГВИА. Ф.489. Д. 2072. Л. 36 об.
- ¹¹ Там же. Д.2072. Л. 31 об.
- ¹² Там же. Д. 2073. Л. 116 об, 122 об.
- ¹³ Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 200.
- ¹⁴ Там же. С.147.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 489. Д. 1198. Л. 227 об.
- ¹⁶ Там же. Д. 1740. Л. 212, 221 об–225 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 1218. Л. 55 об.
- ¹⁸ Урланис Б.И. История военных потерь. Война и народонаселение Европы. СПб., 1998. С. 77.
- ¹⁹ Целорунго Д.Г. Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения. М. 2002. С. 194.

- ²⁰ Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 26.
- ²¹ *Львов С.В.* О потерях Российской армии в сражении при Бородино 24-26 августа 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы VI-й Всерос. науч. конф., Москва, 24 апр. 2003 г. М. 2003. С. 65.
- ²² РГВИА. Ф.489. Д. 1832. Л. 148.
- ²³ Бородино: Документы, письма, воспоминания. С.106.
- ²⁴ *Урланис Б.И.* Указ. соч. С.95.
- ²⁵ Ларей – Наполеону. Витебск, 2 августа 1812 г. // *Fabry G. Campagne de Russie, 1812: Operations militaires.* P., 1902 Т. III P. 50; О. Коленкур – Наполеону. 8 августа 1812 г. // *Ibid.* P. 408; О. Коленкур – Наполеону. 10 августа 1812 г. // *Ibid.* P. 559.
- ²⁶ *Бернацкий Н.* Устройство военно-санитарной части: Болезни и их лечение у воюющих сторон во время Отечественной войны // Воен.-ист. Сборник. 1913. № 3. С. 224. См.: Дневник поручика Фоссена // Русский архив. 1903. № 11. С. 467–479.
- ²⁷ *Бернацкий Н.* Указ. соч. С. 225.
- ²⁸ *Dennée P.P.* Itinéraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842. P. 80. Note 1.; Пеле Ж.-Ж. Бородинское сражение (Bataille de la Moskwa) // Бородинское сражение. М.: Издание Императ. Об. Истории и древностей при Моск. ун., 1872. С. 90; *Thiers A.* Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1856. Vol. 14. P. 349.
- ²⁹ *Dennée P.P.* Op. cit. P.80., Note 1.
- ³⁰ См.: *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург 2001.С.452.
- ³¹ Там же. С. 452.
- ³² *Dennée P.P.* Op. cit.
- ³³ ЦГИА г. Москвы. Ф. 16. Оп. 3. Д. 2867. Л. 38.

- ³⁴ Там же. Ф. 392. Оп. 1. Д. 7. Св. 2. Л. 72.
- ³⁵ См.: НВА ГБВИМЗ. Оп.1 (ОВ). Д. 603 (а); *Суханов А.А.* Места захоронения на Бородинском поле участников Бородинского сражения и их мемориализация. Бородино, 1997.
- ³⁶ *Labaute E.* Relationn circonstancié de la campraanaagne de Russie en 1812. P., 1814. P. 146.
- ³⁷.*Суханов А.А.* Отчеты можайских властей о захоронении на Бородинском поле в 1812–1813 гг. тел павших воинов (см. наст. сб.).
- ³⁸ РГВИА. Ф. 489. Д. 638. Л. 278 об., 381.
- ³⁹ Там же. Д. 1832. Л. 154–155 об.
- ⁴⁰ Там же. Д. 663. Л. 278 об., 381, 470 об. ЦГИА г. Москвы Ф.17. Оп. 5. Д. 1023; «Учреждение в г. Можайске временного госпиталя на 2000 чел. Д. 1027 "О постройке госпиталя в Можайске и деньгах на материалы"».
- ⁴¹ См.: *Ложье Ц.* Дневник офицера Великой Армии в 1812 г. М., 1912. С. 153; *Куковенко В.И.* Забытая страница войны 1812 года // *Вопр. истории.* № 12. С. 174; *Подмазо А.А.* Большая Европейская война 1812–1815 годов: Хроника событий. М., 2003. С. 47. Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 472.
- ⁴² *Федоров В.Н.* Можайск в Отечественную войну 1812 г. // *Материалы науч. конф., Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы.* 1995–1996 гг. Бородино, 1997. С. 116; ЦГАДА. Ф. 1355. Ед. хр. 34/772: Экономическое примечание Можайского уезда с краткою табелью и алфавитами на 1800-й год. Л. 15.
- ⁴³ Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 198; *Львов С.В.* Указ. соч. С. 59.
- ⁴⁴ См.: *Земцов В.Н.* Указ. соч. С. 424.
- ⁴⁵ *Larrey D.-J.* Mémoires de chirurgie militaire et campagne. P., 1817. P. 30–31.
- ⁴⁶ *François C.* Journal du capitaine François. P., 1904. Т. 2. P. 793–794.

⁴⁷ *Larrey D.-J.* Op. cit.

⁴⁹ Рапорты за август 1812 г. следующих полков русской армии: Малороссийского гренадерского (РГВИА. Ф. 489. Д. 1189. Л. 215–216 об.); Московского гренадерского (Там же. Д. 1198. Л. 203–208); Иркутского драгунского (Там же. Д. 2378. Л. 108–108 об.); Белозерского пехотного (Там же. Д. 98. Л. 144); Бутырского пехотного (Там же. Д. 136. Л. 124–127); Волынского пехотного (Там же. Д. 204. Л. 277–287); Минского пехотный (Там же. Д. 476. Л. 226 об. Л. 229); Псковского пехотного (Там же. Д. 738. Л. 258 об.–286); Московского пехотного (Там же. Д. 493. Л. 177–178); Полтавского пехотного (Там же. Д. 725. Л. 199 об.); Орловского пехотного (Там же. Д. 663. Л. 214–217 об.); 5-го егерского (Там же. Д. 1661. Л. 118–119); Одесского пехотного (Там же. Д. 638. Л. 247–248. Л. 252–255 об., Л. 259); 6-го егерского (Там же. Д. 1667. Л. 198–200 об.); 11-го егерского (Там же. Д. 1693. Л. 183 об.–184); Киевского гренадерского (Там же. Д. 1177. Л. 202–206 об.); Ладожского пехотного (Там же. Д. 446. Л. 161 об.); Кременчугского пехотного (Там же. Д. 399. Л. 189 об.–190 об.); Лейб-гвардии Измайловского (Там же. Д. 2072. Л. 36 об.); Капорского пехотного (Там же. Д. 350. Л. 221 об.–222 об.). Рапорт 31 августа 1812 г. командира лейб-гвардии Литовского полка полковника И.Ф. Удома (Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 147).